

Zarevo. Zarevo (Saint Petersburg, Russia)

Call Number: 2006 Folio S57

Creator: Trofimov, V. V. Nevskii, D. N. Mazel, M. I. Maizel, M. Kasatkin, A. K. Ianov, A. A. Gurvich, I. I. Zubrilov, I. G. Zlotnikov, L. T. Turok, V. E

Date: 1906

Publisher: A.K. Kasatkin

Subjects: Russian wit and humor.
Political satire, Russian.
Caricatures and cartoons.
Periodicals --Russia --Saint Petersburg
Russia --History --Revolution, 1905-1907

Genres: Illustrations
Drawings
Political cartoons

Physical Description: 8 p.
col. ill.
35 cm.

Volume/Enumeration: no.3(1906:fevr.)

Rights: More about permissions and copyright

We welcome any additional information you might have. If you know more about an image on our website or if you are the copyright owner and believe we have not properly attributed your work, please contact us.

Exhibition Note: Russian Graphic Art and the Revolution of 1905

Collection: Beinecke Library

Source Digital image/tiff

Format:

[A record for this resource appears in Orbis, the Yale University catalog](#)

[Beinecke Library Permissions and Copyright notice](#)

[Click here to begin looking at the images!](#)

№. 3.

Февраль 1906 г.

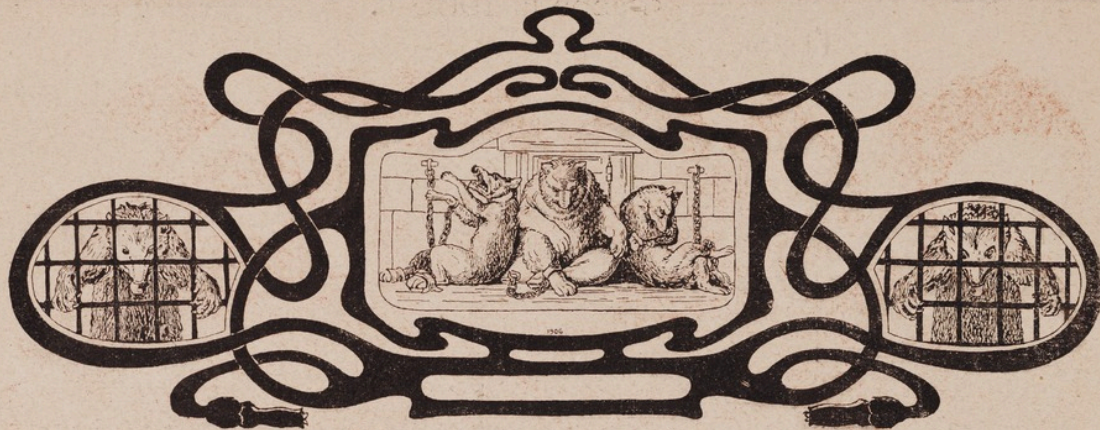
Цѣна 10 к.

Еженедѣльный литературно-сатирический журналъ.

Шпассельбургская крѣпость.

Затишье.

Мнѣ скучно, безбрежное море, съ тобою!—
Покорно предавшись нѣмому покою,
Ты мертвой равниной раскинулось вдругъ.
Окутано дымкой тумана вокругъ.

Мнѣ скучно съ тобою, могучее море,
Когда на твоёмъ необъятномъ просторѣ
Не слышу мятежнаго ропота водъ,
Не вижу валовъ, устремленныхъ впередъ.

Мнѣ грустно и больно, родная стихія,
Когда ты ласкаешь утесы глухіе
И льнешь къ горделивому камню порой
Медлительно-мягкой и робкой струей.

Довольно покоиться сномъ терпеливымъ,
Мечтать подъ покровомъ тумана стыдливымъ —
Встань, море, на бой съ неустаннымъ врагомъ —
Съ громадой утесовъ, нависшихъ кругомъ!

Я жду, чтобы снова увидѣть, какъ волны,
Не вѣдая страха, отгаваю полны,
На приступъ сплоченной толпою спѣшать,
И камни подъ дружнымъ напоромъ дрожать...

И. Любимъ.

Тукъ! Тукъ!

Вѣтеръ воетъ... Снѣгъ идетъ...
Нишій по снѣгу бредеть...
Ночь.. Морозно... Дальній путь...
Хочегь бѣдный отдохнуть...
Вотъ нарядная изба:
Украшеніемъ рѣзба...

Тукъ! Тукъ!

Слышенъ голосъ — „Проходи!
Сытыхъ ночью не буди!“
Вѣтеръ воетъ... Снѣгъ идетъ...
Нишій далье бредеть...
На далекомъ берегу
Хата кроется въ снѣгу...

Тукъ! Тукъ!

Слышенъ голосъ: — „Погоди!
Отворю сейчасъ! Входи!“
Вѣтеръ воетъ... Снѣгъ идетъ...
Нишій здѣсь покою найдетъ,
И подѣлится кускомъ
Тутъ хозяинъ съ бѣднякомъ.

В. В.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Голодная поэзія.

Много было насъ, безработныхъ, въ городѣ.

„Кризисъ, сокращеніе производства“ — говорили сытые фабриканты или ихъ энергичные управляющіе и выбрасывали на улицу десятки, сотни людей, чей трудъ оказался лишнимъ и невыгоднымъ.

Долго, долго отдыхали мы въ разлукѣ съ заводскими машинами и станками, но силы у насъ отъ этого отдыха не прибавлялось.

Нужда росла и стужалась съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Все то изъ нашего убогаго имущества, что могло быть сбыто на толкучемъ рынкѣ, было продано и съѣдено.

На насъ оказались одни лохмотья, да лохмотья самая жалкія.

Желудокъ тошаль, лицо блѣднѣло, глаза какъ будто обволакивались ѣдкой, жгучій дымъ.

И, какъ и сотни другихъ безработныхъ, очутился подъ открытымъ небомъ: если хлѣбъ покушать не на что, то платить за уголь подавно нечѣмъ.

А осень, дождливая мрачная осень, медленно, какъ бы нехотя, ветукала въ свои суровыя права.

Почевали мы — кто на берегу рѣки подъ заплѣсневѣлымъ кровомъ моета, кто подъ заборомъ, а кому удавалось случайнымъ образомъ найти мѣстечко

для ночлега гдѣ-нибудь въ воюнчемъ, но защищаемъ отъ дождя и вѣтра, сараѣ, тотъ потомъ долго рассказывать о счастливомъ случаѣ своимъ товарищамъ.

А съ утра до заката солнца мы бродили, не зная — зачѣмъ, не зная — куда, по далекимъ загороднымъ улицамъ, бѣднымъ и грязнымъ, какъ наша жизнь, печальнымъ, какъ доля голоднаго пролетарія.

На большихъ улицахъ, гдѣ не уставая кипитъ всегда сытая, нарядная жизнь, больно намъ было показаться, больно и досадно.

„Кризисъ“ — слово иностранное, замысловатое, но мы, темные люди, отлично понимали все его значеніе: тутъ словаремъ намъ служили отвергшіе нашъ потный трудъ фабриканты.

Въ дождливое вѣтреное утро я шелъ по глухому рѣдко-застроенному переулку, летѣя въ душѣ робкую надежду найти гдѣ-нибудь на часъ пріютъ и кусокъ хлѣба.

У забора просторнаго пустыннаго огорода, вперивъ глаза въ туманную даль и о чемъ-то глубоко задумавшись, стоялъ высокій худой мужчина въ дырявомъ пальто безъ воротника и пуговицъ.

„Товарищъ по несчастью“ — шепнулъ я себѣ вслухъ и направился къ нему.

Онъ не обратилъ на меня никакого вниманія, продолжая думать свою думу, но я почему-то спросилъ:

— Голодно, братъ?

— Голодно...

Провинциальная летопись.

(Село Покровское, Херсонского уезда).

— «Дѣдь, зажди ты ротъ Емель!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадеш на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *
Старожилы помнятъ годъ,
Хоть прошли годовъ десятки,
Какъ разумнѣй сталъ народъ
И разумнѣе порядки,—
Какъ въ деревню изъ столицъ
Черезъ рѣки, черезъ доли
Шелъ отрядъ быстрѣ птицъ,
Чтобъ разсѣять духъ крамолы...
Насъ онъ строго наказалъ!
Я охотно-бъ разсказалъ...

— «Дѣдь, зажди ты ротъ Емель!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадеш на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *
Утромъ только разсвѣло,
Къ намъ наѣхали казаки,
Всполошилось все село:
Бабы, куры и собаки...
Офицеры, становой,
Нашъ урядникъ, мѣстный приставъ
Судъ творили полевой
Надъ толпою „анархистовъ“!
Обвиняли въ чемъ же насъ?!
Объясню я все сейчасъ...

— «Дѣдь, зажди ты ротъ Емель!
Что онъ—какъ въ бреду?!

Попадеш на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *
Собирались мы на сходъ,
Говорили тамъ безъ шуму,
Что поддержать весь народъ
Государственную Думу...
Высочайшій Манифестъ
Намъ свободы ужъ намѣтили!
И никто изъ насъ въ протестъ
Даже слова не отвѣтилъ...

— «Дѣдь, зажди ты ротъ Емель!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадеш на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *
Вотъ, согнали мужичковъ
Со всего села родного
Молодежь и старичковъ—
Всѣхъ къ крыльцу у «Волостного».
Приставъ грозно началъ рѣчь,
Угрожая револьверомъ;
Всѣхъ по очереди събъ
Порѣшил онъ съ офицеромъ!

— «Дѣдь, зажди ты ротъ Емель!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадеш на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *
Все могу я разсказать,
Даже раны показать...
— «Дѣдь, зажди ты ротъ Емель!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадеш на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *
Всѣхъ построили гуськомъ
Насъ казаки вдоль ограды.—
Били плеткой, кулакомъ,
Били дико, безъ пошады...
Лужи крови, стоны, плачъ,
Истязаньемъ увлеченье...
Палача смѣнялъ палачъ,
Уставая отъ събенья...
Я не знаю въ чемъ вина,
Но болитъ моя спина...
— «Дѣдь, зажди ты ротъ Емель!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадеш на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *
Къ намъ прѣхалъ прокуроръ
Разобрать правдиво дѣло...
Бросивъ только бѣглый взоръ,
Мужичкамъ сказалъ онъ смѣло:
„Быль свершенъ неправый судъ!
„И урядникъ вашъ и приставъ
„Принимали ложно тутъ
„Мужичковъ за анархистовъ!“
Кто-жъ вернетъ, скажите, вновь
Мужичкамъ здоровье, кровь?!

— «Дѣдь, зажди ты ротъ Емель!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадеш на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

В. Трофимовъ.

— Холодно, братъ?
— Холодно...
Онъ отвѣчалъ такъ хмуро и неохотно, что мнѣ стало стыдно своего вопроса—какъ будто и самъ я не зналъ, что и голодно и холодно.

И прислонился къ забору рядомъ съ нимъ.
Долго мы оба молчали, глядя задумчиво въ даль.

Задремавшій, было, осенній вѣтеръ вдругъ очнулся и, словно мокрой и жесткой метелкой, хлестнулъ меня по лицу.

Лохмотья мои не могли оказать никакого сопротивления глубокому дыханью воздуха, и я весь задрожалъ отъ нахлынувшихъ на меня острыхъ струй холода.

— Провались ты, проклятая осень!— проворчалъ я, плотнѣе прижавшись къ забору, какъ будто это могло меня сколько нибудь согрѣть.

— Не смѣй!— строго обратился ко мнѣ товарищъ.

— Что не смѣй?

— Не смѣй ругать...

Я удивленно посмотрѣлъ на него.

— Кого?

— Осень-то...

Мнѣ хотѣлось громко засмѣяться на слова этого взрослого несчастнаго дитяти, но не нашелъ въ себѣ той струны, которая издаетъ звуки смѣха; порвалась она, видно, давно, да затерялась среди жестокихъ невгодъ.

— Сумасшедшій!— невольно сорвалось у меня съ усть.

— Молчи, если не понимаешь, если не чувствуешь!— съ презрѣниемъ въ глазахъ повернулся ко мнѣ сосѣдь.— Извѣстно, осень ругать не слѣдуетъ, грѣшно ее обижать. Она—товарка наша, или не видишь? Мы голые, она голая; мы плачемъ, она плачетъ; мы сердитые, она сердитая. И какъ будто такъ же голодна, какъ мы, и бездомна и несчастна, какъ мы. Одно слово—сестра намъ. Чего-жъ обижать ее, осень-то?! Вотъ, весна, дѣйствительно, ни дна ей, ни покрышки. Барыня какая! И здорова, и весела, и наряды у нея!.. Все шветы и лучи! Да смѣется все, окаянная, прямо—обидно становится. Ну, а осень—наша, по всему намъ—сестра.

Вѣтеръ опять задыхалъ своимъ острымъ, какъ скребища, и порывистымъ дыханьемъ; мнѣ показалося, что меня туго скрутили веревками по всему тѣлу.

— Проклятая осень!— со злобой закричалъ я, и пустился бѣжать вверхъ по улицѣ, какъ бы желая скрыться отъ вѣтра и холода.

— Дур-ракъ!— громко понесся мнѣ въ догонку его дрожащій презрительный голосъ.

И. Г.

p. 4

Коловратно-куръезная сцена

между Господиномъ и Гражданиномъ.

(Диалоги).

— Подайте кресло!
— Господинъ,
Зачѣмъ вамъ кресло? Чтобы сѣсть?
— Вы глупы, милый Гражданинъ!
Вы глупы—да!
— Большая честь!
Извольте кресло! Вамъ куда?
— Къ камину ближе—вотъ сюда!
Могу отдаться сладкой думѣ...
— Хотите думать вы о Думѣ?
Я попросилъ бы думать вслухъ,
Чтобъ слышать все... Усердно мухъ
Отъ васъ я буду отгонять...
И то, чего мнѣ не понять,
Вы объясните, Господинъ!
Васъ очень проситъ Гражданинъ!...
Я слышалъ разговоръ простой,
Что Дума это звукъ пустой,
И что Таврической дворець
Тюремной обнесутъ оградой...
— Постой! Умолкни, наконецъ!
Ошеломилъ меня тирадой!
Несутъ въ лакейской сущій вздоръ..

Конечно, съ нѣкоторыхъ поръ
Теперь въ Россіи въ общемъ шумѣ
Довѣрѣя стало меньше къ Думѣ,
А все-жъ свобода въ ней избранья...
— Все-такъ! Но думскія собранья
Съ войсками разгоняетъ приставъ,
Какъ будто митингъ анархистовъ...
Такъ какъ же въ Думу избирать?!

— Ну, это трудно разобрать!
— Когда же соберется Дума?
— Когда нигдѣ не будетъ шума!
— Когда-же шумъ вездѣ уймется?
— Лишь только Дума соберется!
Все понялъ ты, мой Гражданинъ?
— О, да, любезный Господинъ!

II

— Люблю мечтать я на свободѣ...
— Мечтать хотите на свободѣ?
Вотъ къстати: правда ли она
Народу нашему дана?
— Конечно, правда: нашъ народъ
Пять разомъ получилъ свободѣ...
— Но почему-жъ вездѣ жандармы?!
Подъ тюрьмы строятся казармы,
Дома, ночлежки, богадѣльни,
Больницы, школы и молельни?
Гораздо меньше на свободѣ,
Чѣмъ арестованныхъ, въ народѣ:

Кого ни спросишь—онъ въ тюрьмѣ!!
Брожу теперь я, какъ во тьмѣ...
— О, тутъ тактическій приѣмъ,—
Его съ тобой мы не поймемъ:
Вѣдь трудно слабому уму
Все угадать... Да и къ чему?!

— Читаль, бывало, я въ газетѣ
О всѣхъ дѣлахъ на бѣломъ свѣтѣ,—
Теперь свободная печать...
— Объ этомъ надо помолчать!
Нельзя болтать о всемъ свободно,
Открыто, громко, всенародно:
Тихонько можно, но не вслухъ!
Гоняй-ка лучше, милый, мухъ!
Ты заболтался, Гражданинъ!
— Прошу прощенья, Господинъ!
Скажите-жъ мнѣ, когда народъ
Увидитъ эти пять свободъ?
Вотъ не пойму я, что угодно!!
— Когда онъ заживетъ свободно!
— Когда-жъ свободно жить народу?
— Когда увидитъ онъ свободу!
Все понялъ ты, мой Гражданинъ?
— О, да, любезный Господинъ!

Nemo.

Бабушка.

Онъ жилъ со своей старухой—бабушкой...
Онъ былъ ея единственный любимый
внукъ...
Въ его комнатѣ было чисто и опрятно;
чистота,—наведенная заботливой старче-
ской рукой...
Онъ уходилъ рано утромъ и возвращался
поздно вечеромъ...
Та-же заботливая рука приготавливала
ему на столѣ ужинъ и чай...
Они жили неразлучно почти десять лѣтъ...
И какъ измѣнился онъ за послѣднее
время: серьезный, задумчивый, почти ни
слова не говоритъ, а если и скажетъ, то
такъ отрывисто, односложно...
Старуха видѣла въ немъ переѣмну и
се дцемъ болѣла за своего любимца...
Нерѣдко гадала она,—все черныя, мрач-
ныя карты...
А сколько часовъ простаивала она на
колѣняхъ передъ образомъ,—одному только
Богу извѣстно...
Она предчувствовала что-то недоброе,
предугадывала бѣду, грозящую ея внуку...
Но что могла сдѣлать она, дряхлая ста-
руха?!

Предчувствие ея оправдалось...
..... Вечеромъ, какъ и всегда, его не
было дома...

У дверей раздался рѣзкій звонокъ.
Въ маленькую прихожую вошли они...
Старуха одервенѣла со страха...
Сколько ихъ?! По крайней мѣрѣ, чело-
вѣкъ 15.

И они привычной рукой стали разрушать
порядокъ, надъ которымъ каждое утро по
нѣсколько часовъ трудилась старуха—ба-
бушка, смахивая пылинку, перетирая тща-
тельно каждую мелочь...

Она не могла произнести ни слова...

Воспаленные глаза ея слѣдили за ихъ
движеніями...

Они перерыли всѣ ящики столовъ, по-
поролли подушки, надрѣзали матрацъ... От-
рывали обои... Искали на печкѣ...

Заглянули въ кюветъ образа...
Что-то откладывали въ сторону...
Что-то читали вслухъ... Его интимныя
письма... Смѣялись, острили...

Въ передней чьи-то шаги...
Старуха инстинктивно рванулась; ее оста-
новили привычнымъ движеніемъ...

Она опять задержалась...
Незнакомый протестующій голосъ; кого-
то увели...

Они связали какія-то бумаги и удалились...
Въ засадѣ изъ нихъ остались двое...
Они молчали; они ждали его...

На утро пришелъ третій, и всѣ ушли...
Старуха вздохнула свободно...
Снова любовно принялась она наводить
порядокъ въ его комнатѣ...

Много, много ей было дѣла...
Она торопилась все закончить къ его
приходу,—чтобы его уютная комнатка при-
няла снова свой прежній видъ...

Старушка устала; дрожавшія руки отка-
зались повиноваться...
Вечеромъ она приготовила ему постель
и, по обыкновенію, поставила ужинъ и
чай...

Но и въ эту ночь онъ не вернулся до-
мой...

.....
Дѣ сихъ поръ, каждый вечеръ, ждетъ
домой старая бабушка своего внука...

Его все нѣтъ...
Онъ не шлетъ даже письма...
— „Бросилъ, забылъ, свою старую ба-
бушку!“—шепчутъ ея изсохшія губы.

В. Тр—овъ.

Раздумье.

Однообразною дорогою
Свѣтило дня утомлено,
И на покой ушло съ тревогой
Въ пріютъ таинственный оно.

Зари блѣднѣющимъ пожаромъ
Объять далекій небосклонъ,
Ударъ несется за ударомъ—
Вдали гудитъ вечерній звонъ.

И звону кроткому внимая,
Въ сонъ погрузился поля,
Умолкла роща молодая,
Едва вѣтвями шевеля.

Забывъ о безконечномъ спорѣ,
О спорѣ съ небомъ или землей,
Дремотѣ предалося море,
Слегка окутанное мглой.

Вдоль по извилистой дорогѣ
Унылый строй березъ, ракитъ,
Какъ странникъ на чужомъ порогѣ,
Въ нѣмомъ раздуміи стоитъ.

Не долго ждать—и ночь въ объятія
Мірѣ утомленный заключить,
Тревоги, стоны и проклятія—
Все, притаившись, замолчить.

Уснетъ земля, уснутъ и люди,
Но успокоятся ли сномъ
Ихъ изстрадавшія груди,
Ихъ мысль, кипящая огнемъ?..

И. Любинъ.

Партійныя различія.

Коль нашли у васъ въ жилищѣ
Крупный апельсинъ,
Негодящійся для пищи,
Нитроглицеринъ,
Бомбу съ гибельной начинкой,
Формуль длинный листъ,
Или адскую машинку,—
Ясно: анархистъ.

„Сынъ Отечества“ газету
Коль нашли у васъ,
Иль земельную анкету,
Небольшой запасъ
Прокламаций для матросовъ,
„Жупель“, револьверъ,—
Тутъ не можетъ быть вопросовъ,
Ясно: вы с.-р.

Если найдено «Начало»,
Бебеля портретъ,
Фоліанты „Капитала“,
Длинный венегретъ
Всевозможныхъ комментарий,
«Мысли о трудѣ»,
«Буржуа и пролетарій»,—
Ясно: вы с.-д.

Роскошь... фарфоръ и портьеры...
Много серебра...
Снимки Ниццы и Ривьеры...
Бронзовая бра...
Русскихъ классиковъ творенья...
Теплый кабинетъ...
Тутъ не можетъ быть сомнѣнья,—
Ясно: вы кадетъ.

В. Михайловичъ.

Льсна финансоваго генія.

Голова какимъ-то кругомъ
Завертѣлася моя,
Я считалъ француза другомъ,
Обманулъ французъ меня...
Въ нѣмца искренно я вѣрилъ,
Дескать, можетъ онъ помочь:
Нѣмецъ гроша не повѣрилъ,
Но совѣтовать не прочь:
— „Я бы далъ вамъ безъ процента,
Лишь одно теперь вредить,
Что упала ваша рента,
Да использованъ кредитъ!
Не избѣгнетъ злого рока
Наша мирная страна:
Вонъ, грозить изъ-за Марокко
Намъ самимъ теперь война!“
Обходились всюду круто,
Быль вездѣ одинъ отвѣтъ:
— „Что пока не стихнетъ смута,
Для Россіи денегъ нѣтъ!“
Я отчизну сожалѣю,
Но не скрыть раскрытыхъ картъ...
Надо сдѣлать лоттерю
И использовать азартъ,—
Нами будетъ онъ оплаченъ,—
Деньги дома мы найдемъ:
Если внѣшній неудаченъ,
Будетъ внутренній заемъ!

Вновь назначенъ Гродековъ...

Ну, манчжуры и китайцы,
Въ храмахъ предковъ и боговъ
Помолитесь поскорѣе—
Вновь назначенъ Гродековъ.

Ну, Амуръ, дремать довольно!
Соборъ ты бремя зимнихъ ковъ
И открой свои объята—
Вновь назначенъ Гродековъ.

Царство рыбное Амура,
Будетъ праздникъ-то каковъ!
Пищи хватить на столѣе—
Вновь назначенъ Гродековъ.

Началь.

Монологъ.

Еще журналъ! Сейчасъ посмотримъ:
Пожалуй, что нибудь усмотримъ!!
Въ рисункахъ нѣту криминала,—
Хотя усматривалъ, бывало,
Я неожиданно, смѣшномъ
Сложивъ рисунокъ пѣтушкомъ...
Вотъ такъ—корабликъ... Такъ—корзинка...
Все нѣтъ... Обидная картинка!
Тутъ что-то есть! Сомнѣнье гложетъ!
Теперь редакторъ не надуется:
За нимъ надзоръ въ три сотни глазъ:
Коль прокуроръ объявитъ насъ,
Тотчасъ „охранное“ выступитъ...

Изъ деревенскихъ разсказовъ.

Разскажу я—не солгу,
Только нашимъ ни гу-гу!
На деревнѣ, говорятъ,
Быль карательный отрядъ—
Счетомъ только три часа...
(Я успѣлъ удрать въ лѣса):—
Я пришелъ спустя недѣлю:
Встрѣтилъ шурина Емелю,—
Все еще не можетъ сѣсть,
Да и сядетъ ли, Богъ вѣсть?!
Показалъ Ерема спину,—
Тутъ слѣды ужъ по аршину;
Началъ, было, ихъ считать,—
Трудно въ сутки сосчитать...
На палаткахъ свать Егоръ
Очумѣлый мелеть вздоръ...
У разбитаго Варула
Колесомъ всю спину вздуло...
Какъ по шкурѣ барабана
Сѣкли глупаго Ивана...
Стонетъ—охаеть Евсей;
Плачетъ громко Елисѣй;
Филимонъ, Степанъ, Фока
Лечатъ травами бока...
Всѣмъ досталось мужичкамъ—
Молодымъ и старичкамъ—
Уцѣлѣлъ въ хлѣву Илья,
Да въ лѣсахъ укрылся я...

Право, братецъ, я не лгу,—
Только нашимъ ни гу-гу:
Коль узнаютъ—заорутъ,
Всей деревней отдерутъ:
Сѣкли всѣхъ до одного,—
Значитъ, надо и его!!

Т.

Изъ безумныхъ проектовъ.

— Только что прочиталъ, что новая офиціозная газета „Русское Государство“, издающаяся на народные деньги, приносящая въ день убытку почти двѣ тысячи рублей, ассигновала 9 тысячъ въ годъ на чай и на бутерброды сотрудникамъ.

Думаю войти съ проектомъ къ г.г. бутерброднымъ сотрудникамъ „Русскаго Государства“ отказаться отъ бутербродовъ въ пользу бѣдныхъ голодныхъ людей, которые имѣютъ болѣе правъ на означенную ассигновку... Я слышалъ, чтобъ накормить простого голоднаго чело-вѣка, достаточно ассигновать въ день только 4 коп... Итакъ, на 9 тысячъ можно въ годъ накормить 225000 чело-вѣкъ: въ мѣсяцъ—18750 и въ день 625 чело-вѣкъ...

— Въ редакціи „Новой жизни“ конфискованы не только списки сотрудниковъ, но и списки всѣхъ подписчиковъ и читателей, какъ подлежащихъ аресту.

Привѣтствую означенную мѣру, какъ весьма оригинальную, и вхожу съ проектомъ поставить великому ея изобрѣтателю памятникъ, открывъ подписку между подписчиками и сотрудниками „Новой жизни“. Ходятъ слухи, что между подписчиками и читателями означенной газеты есть лица, которымъ придется арестовать самихъ себя. Привѣтствую ихъ, признавая въ этомъ актъ высшаго самопожертвования на благо чело-вѣчества и спасеніе родины...

Поприщинъ 5-ий.

Редакторъ В. Трофимовъ

Отъ Редакціи.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ „Зарево“ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора и обозначеніемъ гонорара; при неисполненіи послѣдняго условія онѣ считаются бесплатными. Статьи, неудобныя къ печати, уничтожаются. Редакторъ для личныхъ объясненій принимаетъ по субботамъ и средамаъ отъ 4—6 часъ. Выдача гонорара по четвергамъ 4—6 часъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1906 г.
на еженедѣльный

ЛИТЕРАТУРНО-
САТИРИЧЕСКІЙ
журналъ

ЗАРЕВО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ СѢВ. безъ доставки—въ годъ 3 рубля, съ доставкой и пересылкой во всея городъ, Рос. Имперіи—5 р.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается 5—8 рисунковъ въ двѣ краски.

Подписка принимается въ конторѣ журнала Спб., Невскій, 112.

Beinecke
Library
2006
Folio
557
3